

Шишков В.Я. Угрюм-река: Роман. М.: Эксмо, 2008, 800 с.

С. 678-681. — Вы, милый Краев, имеете право распоряжаться лишь своею, а не чужими жизнями. Поняли? Не жизнями рабочих...

— Ах, так? — И молодой человек, судорожно размотав концы саженого шарфа, резким движением закинул их за спину. — Тогда вы, Протасов, не революционер, вы, Протасов, примиренец, вы оппортунист и больше ничего! Да-да, оппортунист... Факт! Меншевичек стопроцентный!

Взволнованный Протасов засопел, надулся. Рабочие мрачно молчали. Тут напористо ввязался техник Матвеев:

— Ты, Краев, горячишься, нервничаешь и не излагаешь наших условий... Дело вот в чем, Андрей Андреич! — сказал он и чиркнул зажигалку.

Четверо закурили от одного огонька. Большая борода слесаря Ивана Каблукова отливала красно-сизой чернью, воспаленные глаза были внимательны. Попыхивая трубкой, он принялся поджиглять костер. Их окружала неверная, вся в тревоге, темень. На Угрюм-реке мерцали дремлющие бакены. В небе, там, далеко за тайгой, пошаливали, играя в прятки, бледнолицые молнии. На том берегу озорливо пылал костер. Возле него чуть виднелась кучка людей. И, будоража мгlistый воздух, волнами наплывала от костра каторжная песня:

Этот дом, барин, казенн-а-а-й,
Александровский централ,
А хозяин тому до-о-ому -
Сам Романов Николай!..

— Слышите?! — озлобленно крикнул Краев на Протасова и взмахнул рукой навстречу птице-песне. — Слышите, Протасов? Вот вам... А кто поет? Простые мужики, лесорубы, рабы вашего милейшего людоеда Громова...

— Краев, брось! Андрей Андреич, значит, слушайте. — И техник Матвеев, потряхивая отвислыми щеками, стал приводить резоны. — Итак, план... Первое — объявление забастовки без всяких переговоров с Грозовым. Второе — накануне забастовки, в ночь, мы разоружаем казаков и полицию. В-третьих...

— Чепуха, — буркнул Протасов. — С голыми руками к казакам соваться нечего...

— Позвольте, позвольте! В этом деле нам помогут ребята Ибрагима. Среди них есть наши рабочие с приисков и, говорят, один бежавший политик. Мы с ними уже вступили в связь. Итак, в-третьих — мы организованно предъявляем наши требования Грозову. В-четвертых — мобилизуем рабочих для вооруженного восстания...

— Чепуха... Опасно, преждевременно! Против вооруженного восстания я в принципе решительно ничего не имею. Напротив! Я только говорю, что это преждевременно. Без контакта с общим движением рабочих ни черта не выйдет, уж поверьте. — И Протасов, черпая красноречие в приподнятом настроении своем, подверг сильной критике план забастовочного комитета.

— Я, вероятно, с Грозовым расстанусь, товарищи.

Перехожу либо на Урал, либо.., и сам не знаю, куда, — сказал в заключение Протасов. — Я думаю, что Громов скоро сам себя угробит: до чертиков пьянствует, балдеет, к работе относится спустя рукава, а поэтому и с финансами запутался... Мой вам совет, товарищи: готовьте силы к революции. Она близка.

Рабочие поднялись на ноги и сняли шапки.

— Товарищ, Андрей Андреич, — заговорили они враз. — Мы тоже утекать отсель мекаем. Нас, желающих уйти, человек боле полсотни. Мы в Россию. Присоветуй, Андрей Андреич...

— Почему же вы? Заработок, что ли, мал?

— Не в этом суть, — ответил широкоплечий, «в рыжих усах, молодой мужик Телегин, бывший солдат. — А вот в чем... Тут у нас, понимаешь, исходя из соображения... Каблуков, толкуй!.. Ты вроде как старшой у нас.

Иван Каблуков двигал бровями, переминался с ноги на ногу, видимо — робел.

— А пойдете-ка, братцы, к лодке, — сказал Протасов, — мне ехать пора. Там и поговорим.

Матвеев с Краевым решили переночевать в избушке. Рабочие, вместе с Протасовым, дружески попрощались с ними и спустились к воде. Протасову нужно в литейный цех, где спешно, в ночную, ремонтировалась вагранка. Заработали две пары весел. Протасов взялся за руль. Сквозь темень лодка быстро заскользила вниз.

— Так в чем же дело, Каблуков?

— Да вот... Поскладней хотелось. Да не шибко мастер говорить-то я. — И смущенный слесарь стал утюжить свою бороду. — Дело вот в чем, барин Протасов;.. То бишь, как его... Андрей Андреич... Ты даве правду сказал, бастовать у нас теперича, это — ваньку валять, нет никакой спозиции. Економной забастовкой, то есть кономической, нешто капитал проймешь? Да ни в жизнь! Ей-богу, правда... Главная суть — вредят эти самые штрики, как их...

— Штрейкбрехеры, — подсказал сквозь тьму Протасов.

— Во-во-во! — И слесарь Каблуков, раздувая ноздри, шумно задышал. Луженное огнем и дымом мастерских корявое лицо его вспотело от непривычного напряжения мысли. Но он все-таки нашел нужные слова. — Мы мекаем во как, товарищ Андрей Андреич. Здесь нам, мало-мало сознательным, делать нечего. Здесь, понимаешь, дыра. А я вот с Ванюхой в

Сормово лажу, там шурин у меня токарь-металлист. Мишка да Степка желают ехать на Урал, они ребята твердые и в деле и в понятиях. Захар Оглоблин на Путиловский...

— Да, есть такое стремление, это верно... — широко раскачнул плечами угрюмый, со скуластым бритым лицом Захар; вода бурлила и вскипала пеной от взмаха его весел.

— Да все кой-куда, согласуемо желанью-мысли... А вот Миша Телегин, он, как бывший солдат, на вторительную службу ладит в полк... Чтобы, значит, и там пропаганду пущать.

Протасов с некоторой тревогой прищурился на бывшего солдата.

— Мы вот как просветились, спасибо, здесь! — И слесарь Каблуков, бросив весла, ударил в порыве восторга себя в грудь кулаком. — То ты, то Матвеев Иван Семеныч, то политические, спасибо! И по этому самому нас, сознательных, облестила мысль-понятие вот какое: уж ежели зачинать революцию, так зачинать как след быть. Перво-наперво нужно солдат поднять да мужиков. Так, ребята?

— Известно, так! Главная суть в солдатах, в армии...

— Мы про рабочих молчим, рабочий сам подымается, раз это его кровное дело. Верно, ребята? И вот, значит, долго ли, коротко ли, восстание с оружием в руках, всеобщая заваруха. Мужики бар тревожат, землю забирают, а тут повсеместная забастовка, да не экономная, а сама что ни на есть политическая, с красным флагом. Прямо — хвиль метель!.. Тогда все — стоп! — мужик наш, солдат наш...

Лицо Каблукова то улыбалось, то серьезилось; он млея в приливе бодрых чувств, захлебывался словами.

Направо, задорно помигивая сквозь отсыревшую мглу, показались огни заводов. Было тихо. Кой-где висели в небе звезды. А за тайгой все еще играли бледнолицые молнии.

Лодка под рулем Протасова, обогнув красный бакен, круто завернула на заводские огни. Из цехов механического завода долетали лязг, бряк, гул. Протасов и рабочие поднялись по сыпучему откосу на берег. Слесарь Каблуков, освещая инженера дорожным фонарем, заговорил взволнованно:

— Ну, а позволь тебя, товарищ Андрей Андреич, спросить в упор, не обессудь уж... Нам шибко антиресно, даже спор у нас из-за тебя... Вот, допустим, восстание, революция, бурь-погода огневая... А ты-то?.. Ты-то с нами будешь али как?

У Протасова защемило сердце, кровь ударила в голову, обвисли концы губ. Он взглянул в лицо Ивана Каблукова и дрожащим голосом спросил:

— А ты как думаешь, Иван?

Каблуков потупил глаза в землю, мялся.

Протасов ушел. Каблуков сопел, про себя выборматывал:

— А ведь и верно, барин-то, пожалуй, меньшевичек...

Пожалуй, в случае чего, большого дела-то заботится.